И.И. Глазунов

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПЛАСТИЧЕСКОГО МЕТОДА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИВОПИСИ

В статье рассматривается вопрос художественных закономерностей в русском народном искусстве, обусловленных проблемой иконичности в методах построения, что раскрывает новое прочтение художественной структуры как изобразительной.

The article deals with the issues of artistic patterns in Russian folk art, conditioned by the iconicity problem and construction methods; reveals a new reading of the artistic structure as a pictorial one.

Ключевые слова: русская народная живопись, декоративность, иконичность, стиль, пластический метод.

Keywords: Russian folk painting, decorativeness, iconicity, style, plastic method.

В общем виде понятие пластическое связано с искусствами, которые принято именовать пространственными, и к ним, без сомнения, относится искусство народное, в предметах которого сохраняется незримая ткань духовности нашей цивилизации, ее историческая память и художественный опыт. Немые свидетельства жизни наших предков могут нам открыть потаенные уголки их души, они соединяют разорванную глобальными потрясениями сакральную нить распавшихся времен. И естественно будет оценить художественные средства, которыми достигалась великая цель русского искусства семнадцатого столетия — одна из вершин позднего Средневековья.

Для каждого из искусств значение термина «пластический»

имеет специфику и общая структура пластических систем в истории искусства — декоративная, изобразительная, формально-ассоциативная [1] — в применении к оценке художественно-исторических феноменов располагает уникальными проявлениями, и народное искусство — не исключение.

Коробья XVII века по разным причинам, несмотря на то, что привлекали внимание исследователей, тем не менее, остаются недооцененными феноменами искусства, хотя и представляют социально-значимые и информативно-насыщенные культурно-исторические и художественные «полотна». Изделия, имевшиеся в каждом доме, — русские северные коробья, стационарные и дорожные лари и сундуки — позволяют воссоздать картину бытования этих типичных для России предметов, от которых веет стариной и без которых нельзя представить себе интерьера русского дома крестьянского и городского, купеческого и боярского и т.д. У цариц в коробьях хранилось белье, у царевичей — книги, у князя — казна, у крестьянина — то, что подороже и получше. Коробья — это уникальные великорусские изделия, которые удовлетворяли бытовые потребности и являлись носителями культурной, художественно-эстетической и сакральной информации, пронесенной русским народом через века. Изучение происхождения и особенностей этого художественного промысла в различных областях Русского Севера дает новое понимание в вопросе о древнерусских традициях, помогает воссоздать историческую реальность XVII века.

Вместе с тем, до настоящего времени коробья, лари, сундуки, а также и сюжеты росписей на них, рассматриваются, в основном, как феномены народной росписи, как декор, но не живопись, несмотря на то, что и стилистически, и образно они могут быть отнесены к искусству изобразительному. Для рассмотрения таких художественных объектов важна междисциплинарная точка зрения, но соответствующей научной основы, которая бы позволяла это сделать, нет. Для ее установления требуются соответствующие основания и, прежде всего, разбор соотношения символического и иконического планов художественной интерпретации. Этот аспект, в свою очередь, предполагает создание средств оценки анализа

сразу двух пластических систем: декоративной и изобразительной (иконической), и соответственно важными оказываются вопросы синтеза символического и иконического плана образа, знака и изображения как своего рода «образообмена», «знакообмена» в художественной системе русского искусства.

Существует два вопроса искусствоведения в связи с отмеченным. Первый — это то, что северные расписные коробьи, лари и сундуки XVII в. недостаточно хорошо изучены специалистами, и особенно большой пробел — в «расшифровке» образов и символов, раскрывающих мировоззрение и духовный мир наших предков того беспокойного времени. Многие историки культуры считают, что изобразительное искусство допетровской эпохи было представлено, в основном, иконописными образцами и парсуной, однако заметим, что именно росписи коробьев наглядно демонстрируют наличие большего объема культуры как пласта бытовой живописи в этот период. Помимо бытовых и декоративных функций, они несли в себе определенное сообщение, в том числе нравоучительное и даже сакральное. Второй вопрос — это тема самого метода изображения, которое должно быть понято не только в его декоративном характере, но характере изобразительном, живописном и графическом. Только в этом случае историко-художественное наследие может быть понято как сложное культурно-цивилизационное явление. Такое комплексное изучение требует развития источниковедческой базы, постоянно расширяющейся за счет информационной составляющей, основой которой являются коллекции уникальных образцов декоративно-прикладного искусства в музеях и частных собраниях, а также нового ракурса в оценке их художественных достоинств. Соответственно символ и образ в русском народном искусстве предполагают создание понятия программы росписей в народном искусстве и рассмотрение связи иконичности и символичности, что фактически не фиксируется в искусствоведческой интерпретации. Рассмотрение этого вопроса важно и для установления нового понимания явления народного искусства, его места в истории искусства и формирования соответствующих средств его оценки.

Второй вопрос искусствоведения — проблема разработанности и

собственно самих источников исследования в отношении приемов оформления изделия и связь декоративного и изобразительного в коробьях как самой программы искусства.

Изучение широкого круга материалов древнерусского прикладного искусства, иконописи, центров народных промыслов Севера XVII–XVIII веков с привлечением не только отечественного, но и зарубежного материала велось на основе музейного материала народного искусства, а также произведений из личной коллекции автора. К художественной характеристике привлечены архивные источники и поэтические тексты фольклора. Важно по-новому осмыслить исследования по этому вопросу И.Е.Забелина, С.В.Бахрушина, Н.Н.Соболева и других ученых. Так И.Е.Забелина как историка и археолога интересовала эпоха Киевской Руси и Русского государства, а как этнографа — вопросы жизни русского народа; в широко известном альбоме графа А.А.Бобринского «Народные русские деревянные изделия» (1911–1914 гг.) приведены изображения с нескольких коробьев, но содержание текста сводится к типу констатации: «Коробьи по своим расписным сюжетам и орнаментам представляют одну из интереснейших серий предметов народного творчества. В старину в них обыкновенно хранили деньги, документы и всякую более или менее ценную домашнюю рухлядь». Собственно сам пластический тип в связи декоративной и изобразительной интерпретации не имеет оценки в искусствоведении [2].

В западноевропейских материалах — внимание к традиционным изделиям ДПИ, проблемы иконичности и символичности практически не затронуты.

Среди многочисленных обследованных материалов нами были отобраны наиболее яркие, демонстрирующие саму тенденцию превращения декоративной программы в изобразительную. При анализе росписей были проанализированы крупные художественные центры Новгорода, Холмогор, Великого Устюга на Северной Двине.

Источниками сюжетов северных росписей на коробьях и сундуках служили былины, исторические события или исторические персонажи, религиозные сакральные образы и символы, определяемые религиозным мировоззрением, этническими, историческими и социальными факторами.

Таким образом, аспект пластического содержания как условие сложного образного синтеза в творческом методе мастеров и коробья во всей их разновидности, в различии конструктивных особенностей и связанного с ними декора, характеризуются как яркое художественное явление в культуре русского быта и должны быть рассмотрены на основании школ основных центров Русского Севера. В этом случае северные коробья, лари, сундуки и шкатулки оцениваются в их художественно-образном строе, обусловленном уникальной темой образно-символического прочтения, отвечающего целям раскрытия глубины и полноты эстетического понимания искусства.

Именно на Русском Севере — в Новгородской, Вологодской и Архангельской губерниях — дольше всего сохранялись традиции народной культуры и быта, выражавшиеся в богатейшем народном колорите и творчестве, начиная от устного народного эпоса и заканчивая изготовлением различных бытовых предметов, в частности, коробьев, сундуков и шкатулок, которые удовлетворяли не только хозяйственные потребности, но отражали художественные традиции, взаимопроникновение различных культур, особенности религиозного мировоззрения и народной жизни Русского Севера.

Таким образом, представляется крайне важным изучение образно-символического потенциала росписей и техники изготовления северорусских коробьев, сундуков, подголовников и шкатулок XVII в., выявление их места и роли в контексте русской народной художественной культуры, эстетической, бытовой и духовной жизни; анализ динамики изменения этой роли в контексте социальной модернизации и реформации XVII в.; анализ сакрального содержания художественных образов на древних коробьях и сундуках. Внутренняя структура такого исследования предполагает рассмотрение нескольких важных тем.

1. Актуально охарактеризовать народные художественные промыслы как важнейшее культурно-историческое явление в России, а вводимые в научный оборот памятники изучаемого круга — как условие осознания духовно-культурной доминанты в формировании мироощущения русских людей на фоне эсхатологических настроений середины XVII в.

2. Важно увидеть весь объем самих источников в коллекциях музейных и частных собраний, верифицировать типы северных расписных коробьев, ларей и сундуков XVII в. и систематизировать их в соответствии с северорусскими центрами сундучных росписей с целью систематизации изучаемых изделий по типологическим и морфологическим признакам, разновидностями и конструктивными особенностям русских коробей, способов и приемов их декорирования.

3. Это дает основания для проведения анализа изобразительных мотивов живописи и достоверного определения сюжетной типологизации, тематической и орнаментальной структуры, их генезиса в контексте развития семантики и иконографии, выявления связи и соотношения сундучных росписей с иными видами искусства XVII в.

4. Рассмотрение самих аспектов темы как условия преобразования сакрально-религиозных образов в закономерности символико-магических «канонов», а мифологических тем в типах зооморфного, антропоморфного состава и их трансформация в мифопоэтические образы «изобразительного фольклора» дает возможность определить степень образной глубины самой художественной системы.

5. И, наконец, важно определение специфики приемов и средств изображения в характеристике различных школ (холмогорской, новгородской, велико-устюжской, вологодской), где очевидно присутствие иконописных приемов росписи в декорируемых объемах, также связь с сюжетикой и иконографией лубочного искусства, что позволяет рассматривать широко распространенные подобные памятники ДПИ в разных слоях русского общества как особый изобразительный жанр живописи.

XVII век — время наивысшего расцвета в истории росписей коробьев и одновременно постепенного угасания техники изготовления этих изделий, обусловленной изменениями в бытовом укладе русского общества, переориентацией на стилевой интерьер в XVIII в. и развитие промышленного производства, что привело к снижению спроса на подобные изделия и изменению их географии. Коробьи и сундуки постепенно выходят из употребления, а их

декоративное оформление упрощается. К XIX в. коробьи и сундуки как предметы интерьера используются, в основном, лишь в крестьянской среде.

Примечания:

1. «Понятие художественной традиции целесообразно соотнести с понятием “традиция пластических систем”: изобразительная декоративно-прикладная, формально-ассоциативная … Эти системы возникают в глубокой древности, и в ряде случаев они вполне самостоятельны, но также взаимодействуют между собой и с успехом используются в новых ситуациях творчества». См.: *Кошаев В.Б.* Основы глоссария художественного образования // Материалы Международной научной конференции «Революция в искусстве и новации в художественном образовании». — М., 2017. — С. 236, 237.

2. Важно отметить, что и в крестьянской избе, и в теремах, и в домах аристократов изделия эти были совершенно одинаковы и являлись традиционным предметом обстановки русского дома. Однако отечественными историографами пока еще не были рассмотрены в полном объеме вопросы классификации и типологии коробьев, ларей и сундуков, детализации их назначения и использования в интерьерах позднего средневековья. Это во многом обусловлено небольшим количеством публикаций, сохранившихся изделий ДПИ в музеях и частных коллекциях, а также архивных материалов, также тем, что исследователей, как правило, интересовали общие темы систематизации без углубления в существо самих художественных методов исполнения. В книге Г.Л.Малицкого «Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства (в росписи и резьбе)» (1923) освещался, в основном, вопрос иконографии. В работах С.К.Жегаловой «Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву» (1967), «Русская народная живопись» (1975) и др., исследуя искусство росписи по дереву XVII–XX вв., автор показывает характерные особенности искусства крупных художественных центров и творческих «школ» народных росписей. С.Б.Рождественская обращалась к вопросам художественных промыслов. В.Барадуллин исследовал феномен урало-

сибирской росписи в его специфических кистевых и иконографических особенностях и рассматривал урало-сибирскую роспись в границах значительных территорий. В.Кошаев проследил типологические закономерности в системе русской росписи и резьбы по дереву в их иконографическом составе. Исследования Н.В.Тарановской (росписи прялок), В.С.Воронова (характеристика крестьянского искусства), В.М.Вишневской (росписи Карелии, хохломы), С.К.Жегаловой (русская народная живопись), А.С.Канцедикаса (народное искусство в его утилитарном, эстетическом, антропологическом значениях), Н.Каплан (народное искусство Алтая), О.В.Кругловой (русская народная резьба и роспись по дереву), Ф.Г.Кучина (сундучный промысел Вятской губернии), В.И.Папиной (технология отделки полуфабрикатов и изделий из дерева), Д.В.Прокопьева (художественные промыслы Горьковской области), С.К.Просвиркиной (русская деревянная посуда) и других исследователей раскрывают важные аспекты искусствоведения и очерчивают фактические и технологические критерии, аспекты систематизации декоративного строя, что создает категориальные условия для оценки феномена народного искусства в его существующих границах. Особенное значение имеет наследие М.А.Некрасовой, которая устанавливает несколько фундаментальных положений науки о народном искусстве: «Народное искусство, как мир целостности» (Некрасова М.А. Народное искусство России: народное творчество как мир целостности. М., 1982. Ее же ранняя работа: «Искусство Палеха». М., 1966), «Народное искусство как тип культуры и тип художественного творчества» (в книге: Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. Теория и практика. М., 1983), «Народное искусство как образная система» (в книге «Искусство ансамбля. Предмет, интерьер, архитектура, среда. М., 1989), «Народное искусство — духовная культура. Его место в современном мире» («Народное искусство России в современной культуре». М., 2003). Следует отметить, что в материалах проведенной исследователями работы, несмотря на появление понятия «русская народная живопись» (см.: С.К.Жегалова), феномен иконичности, специфическая образность в изобразительных тенденциях не имеют установленных характеристик и остаются в рамках оценок не живописи, а росписи.

Библиография:

1. *Оксенов А.В.* Народная поэзия. Былины, песни, сказки, пословицы, духовные стихи, повести. — СПб., 1908. — С. 304–311.

2. *Бобринский А.А.* Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода. — М., 2011.

3. *Глазунов И. , Глазунова Ю.* И на крыле святилища не будет мерзости запустения // Наше наследие. — 2011. — № 99. — С. 118–125.

4. Древний Новгород: прикладное искусство и археология. — М., 1985. — С. 142.

5. Латухинская степенная книга. 1676 год. — М., 2012. — С. 75–80.

6. *Orbini Mauro.* Ilregnodegli Slavi, hoggi corrottamentedet ti schiavoni. — Pesaro, 1601.